

Афины после свержения Деметрия Фалерского

В последней части афинской главы мы уже касались – благодаря Диодору и Плутарху - некоторых подробностей тех событий, которые произошли в городе сразу после его захвата Деметрием Полиоркетом. Без свидетельств историков нам здесь не обойтись. Переизбыток цитирования в монографиях, подобных нашей, чаще всего не бонтоннен. Однако жанр-статус приложения к основному тексту, как нам хочется надеяться, предполагает некоторые послабления – особенно если таким образом достигается наивозможная фактографическая точность изложения.

Социальный мир — то состояние общества, которым Афины на протяжении всего IV века до нашей эры похвастать не могли. Парадоксом выглядит то обстоятельство, что ближе всего они подошли к нему, пожалуй, в самый неожиданный и критический момент — на пороге ощущения себя периферией греко-македонского мира. Периферией не географической, разумеется. Афины чуть ли не одновременно перестали быть фактическим гегемоном эллинского мира и оказались на обочине происходящих событий. Прежние ценности, вчера еще незыблемые устои в новых условиях вдруг потребовали переоценки. Некогда могущественный полис утратил даже внешние атрибуты былого величия и превратился в обычное буферное образование, которому навязали протекторат со стороны. Эсхин уже в 330 году удручался и сокрушался: *«А наш собственный город, общее прибежище эллинов, куда прежде сходились посольства со всей Эллады, где каждый город надеялся найти у вас спасение? Теперь он борется уже не за первенство среди эллинов, а за родные свои очаги»*.¹ Аморгос и Краннон только усугубили положение.

Не менее удивительно и то, что чужеземный протекторат имел все шансы оказаться благотельным для города. Если бы продлился дольше. «И, по словам некоторых, в течение 10 лет они жили даже при наилучшем правлении, в то время когда Кассандр царствовал над македонянами».²

У нас нет сведений относительно каких-либо репрессий против демократической оппозиции за весь период правления Деметрия Фалерского — мы вскользь касались этой темы в предыдущей главе. Кассандр ограничился только казнью наиболее одиозных демагогов вроде Гагнонида. Остальные, опасаясь его гнева, удалились в добровольное, но вынужденное изгнание.

Политическую незлобивость Деметрия косвенно подтверждает даже Полибий: «Помимо многих иных недостатков, Тимею вменяют и то, что он злонамеренно нанес ущерб репутации Демохара, обвинив того в неестественной похоти и непристойности. В защиту Демохара Полибий, что неудивительно, подчеркивает его безукоризненное семейное происхождение, но также указывает, что, кроме комментариев поэта-комика Архедика, нет никаких свидетельств того, что подоб-

¹ Эсхин. Против Ктесифонта о венке, 135 — перевод М.Л.Гаспарова.

² Страбон. «География», IX, I, 20, перевод Г.А.Стратановского.

ные же обвинения выдвигались против Демохара его политическими врагами, особенно Деметрием, несмотря на все нападки, которые этот закоренелый демократ допускал в его адрес».³

Справедливости ради – первое самоустранение с политической сцены Демохара, племянника знаменитого Демосфена, кажется, случилось после поражения в Ламийской войне, еще до кратковременной реставрации демократии с помощью Полисперхонта. Всю остальную декаду, пока Деметрий оставался во главе города, жизнь в нем протекала мирно, а состояние экономики с каждым годом все больше походило на расцвет. Свидетельств об исангелиях против антагонистов установившегося режима, часто из числа богатейших граждан, – то, чем «увлекались» предшественники Деметрия, не исключая и Ликурга, – источники нам не оставили. К тому же при нём исангелии рассматривались уже, кажется, номофилаками, но для принятия окончательного вердикта теперь требовался судейский кворум в 1500 человек против 1000 раньше. Как бы там ни было, но конфискации имущества приговоренных по исангелиям перестали быть существенным источником пополнения городской казны.

Некоторые исследователи полагают, что и упразднение графэ параномон произошло при Деметрии Фалерском. Обвинения в асебии не могли отойти в прошлое, но, как показал эпизод с Феодором, Деметрию удавалось находить выход из положения и здесь.

При Деметрии Фалерском — идеальном для своего времени социальном посреднике – страсти улеглись, воцарился гражданский мир. Сикофанты пригнули головы, и город вернулся к нормальной жизни. Регулировались только особо одиозные формы афинского общежития, ограничивалось тщеславие и неумеренная роскошь. Расцвели философские школы, театр получил новый импульс, историки не утратили рвения описывать прошлое великих Афин. Благосостояние города и его граждан росло невиданными со времен Ликурга темпами.

«Истина требует признать, что олигархия, сложившаяся под македонским влиянием, внесла после долгой борьбы партий спокойствие и устойчивость в греческие города; но народ, конечно, в страхе и повиновении везде держали только мечи македонских гарнизонов».⁴

Все изменилось со свержением фалерца.

«Именем высшей власти на земле глубоко униженная народная партия теперь подняла голову, причем совершила это со всей той дикостью и экзальтацией, которые прежде делали ее столь страшной для царского престола».⁵

Опять посыпались декрет за декретом. ***«Текстов, датированных концом четвертого столетия, сохранилось немало – больше, чем обычно»***⁶ – демагоги скоро очнулись от длительной летаргии.

³ Luca Asmonti, The Democratic Model from Hellenistic Athens to Republican Rome : Cicero on Demochares of Leuconoe – в: Roma e l’Eredità Ellenistica atti del convegno internazionale milano, università statale, 14-16 gennaio 2009 a cura di silvia bussi e daniele foraboschi, Fabrizio Serra editore, 2009, с. 131, перевод наш.

⁴ Иоганн Густав Дройзен. История эллинизма. Т. II. История диадохов, Москва – Киров, (Технологии истории), 2011, с. 126. Правда, речь в приведенной цитате, как и в случае двух других примечаний – следующего и на с. 4 – велась Дройзеном о временах первого противостояния Кассандра и Афинами. Но мы не видим разницу сколько-нибудь принципиальной.

⁵ Там же.

*«Контраст между их практикой и практикой Деметрия Фалерского выглядит самым разительным. Всего две надписи, IG 112 450 и 453 можно с уверенностью отнести к 317–307 годам - десятилетнему периоду правления Деметрия. Зато для одного лишь 307/6 года – первого при новом режиме – их известно шестнадцать».*⁷

При этом Трэйси не склонен усматривать в малочисленности эпиграфики в период правления Деметрия повода упрекать его в подавлении народовластия в городе. *«Это следует интерпретировать не как антидемократический акт, а как экономический. Деметрий Фалерский урезал отпуск денег для выбивания надписей на стелах – точно так же, как ограничивал частные расходы на роскошные надгробья. К размещению текстов на камне стали применяться некие формальные требования. В любом случае отсутствие надписей не свидетельствует о том, что эkkлeсия стала менее активной, чем обычно».*⁸

Чуть иначе оценивает положение дел Фергюсон: *«Без сомнения, Деметрий искал популярности среди сограждан. Об этом говорят все его манеры, его обычная нарочитая любезность и чрезмерное радушие в общественных и частных проявлениях. Но это были напрасные усилия. Щедрость его развлечений и непомерность его личных расходов коробили население и выпячивали наружу тот факт, что из-за него оно утратило прежде неотъемлемые привилегии самому распоряжаться и управлять своей судьбой. Постоянное выставление правителем напоказ своих добродетелей присуще тираническому строю. Но и это еще не все. Он обеспечил мир и процветание, с этим трудно спорить, но ими была принесена в жертву афинский суверенитет; и умаление афинского флота, какие бы выгоды оно ни сулило в экономическом плане, лишало всех надежд на будущую свободу и обесценивало Афины как союзника дружественных держав.*

*Город впал в зависимость от Македонии, и это устраивало лишь узкий круг радикально настроенных аристократов, пользовавшихся полным доверием Деметрия. Кроме того, он утишил голос народного собрания; свёл до минимума деятельность фил их роль в публичной политике. И то, и другое серьезно ущемляло демократию. Неудивительно, что он воспринимался в городе как тиран и глава олигархического режима и у власти он держался лишь в силу присутствия в Пирее кассандровского гарнизона и его коменданта Дионисия».*⁹

В этой зависимости от Македонии было мало Деметрия Фалерского. Оформившись с окончанием Ламийской войны, она по большому счету началась сразу после Херонеи. Разрушение

⁶ Benjamin D. Meritt. Chronology of the Late Fourth Century. – в: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens, Vol.33, No. 1 (Jan. - Mar., 1964), с. 4, перевод наш.

⁷ Stephen V. Tracy. Athenian politicians and inscriptions of the years 307 to 302, с. 229 – в: Hesperia 69, 2000, перевод наш. Скрупулезности ради, укажем, что Пасхидис оперирует отличными от даваемых Трэйси, но очень близкими цифрами – от 2 до 5 в первом случае и «по меньшей мере 15» – во втором. См. Paschalis Paschidis. Between city and king. Prosopographical Studies on the Intermediaries Between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322-190 BC) – в: ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 59, Athens, 2008, с. 78, прим. 1.

⁸ Там же, с. 227.

⁹ William Scott Ferguson. Hellenistic Athens. An historical essay, Macmillan and Co., London, 1911, с. 61-62.

Фив афиняне снесли уже почти безропотно. Как позже, перед восточным походом Александра, его требование выставить три десятка кораблей.

Но в 307 году до н.э. бескомпромиссность вернувшихся к власти демагогов рвалась наружу. Они не могли простить Деметрию Фалерскому годы вынужденного молчания.

*«Возбуждение в Греции должно было принять ужасные размеры; характерные черты этой перемены видны нам даже без прямого свидетельства источников: озлобление демоса, который внезапно снова чувствует в своих руках силу и который имеет право с помощью суда воздать возмездие ненавистным барам, наполнить казну государства их конфискованными имуществами и насытить на их несчастье свою жажду ненависти; толпы изгнанников возвращаются теперь с торжествующим смехом на родину и быстрой и ужасной мстью вознаграждают себя за продолжительное пребывание вдали от нее; во всем, кроме того, обнаруживается характерная греческая страстность, которая без сожаления, не наученная никаким несчастьем, не думая о слишком близкой возможности нового переворота, следует всякому импульсу минуты и которая, вполне погруженная в интересы ближайшего будущего, проявляет тем большую пылкость в любви или ненависти к своим согражданам, соседям и братьям».*¹⁰

Это была афинская демократия в самых крайних, неприглядных и постыдных проявлениях. Но уроженец Фалера снова избежал мстительных рефлексов предводителей афинского демоса, оставшегося без сдерживающих его инстинкты ограничений. Но в этот раз благодаря неожиданному великодушию победителя — Деметрия Полиоркета. Под охраной выделенных последним стражей он покинул город в направлении Беотии. Исангелия с обвинительным приговором догнала его уже в Фивах: *«Обвиненный некими злоумышленниками в смертном преступлении, он был приговорен заочно; и так как обвинители не могли овладеть им самим, то изрыгнули яд свой на медные его изваяния: все те статуи были низвергнуты, иные проданы, иные потоплены, а иные (рассказывают и так) перекованы в ночные горшки; только одна уцелела на акрополе».*¹¹

Объективности ради заметим, что Деметрий Фалерский с двумя исангелиями против него был в Афинах не одинок. Повторные репрессии выпадали на долю Демохара и Гиперида, вождей из демократического лагеря. Однако выдачи Гиперида требовали не афиняне, а Александр (после разгрома Фив) и Антипатр (после победы в Ламийской войне), а изгнания Демохара из города также не имеют причиной мстительность промакедонской партии - за высылку в 303 г. до н.э. он вообще должен «благодарить» Стратокла.

На волне торжества и мести демагоги пошли дальше, объявив год архонтства Деметрия Фалерского годом беззакония. Это любопытно. Нам известно только о крайне ограниченном числе деяний Деметрия в законодательной сфере в этот период. Например, о переписи населения Аттики. Отказывать ей в легитимности и действительности смехотворно. Передача Феофрасту участка

¹⁰ Иоганн Густав Дройзен. Указ. соч., с. 126 - 127.

¹¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, V, 2, 12, перевод М.Л.Гаспарова.

земли? Нам ничего не известно о том, что этот акт Деметрия был впоследствии дезавуирован. Факт распоряжения им со стороны Феофраста, подтвержденный в его завещании, как следует из компендиума Лаэртского, говорит об обратном. Введение агонифессии? Но агонифеты известны и после «низложения» Деметрия Фалерского — так в 307/6 году им был Ксенокл, сын Ксеникса из Сфетта.

Подобное положение вещей заставляет нас предположить, что пакет реформаторских законов либо поправок Деметрия Фалерского в год его архонтства был значительно полнее. Похоже, многие из них попросту не успели вступить в силу и были отменены, так и не заработав. Либо под «беззаконие» демократами подверстались и коллегии номофилаков и гинекономов, на самом деле введенные Деметрием Фалерским намного раньше своего архонтата.

Демократы вымарывали из афинской истории любые упоминания о Деметрии Фалерском. Досталось и тем, кто был связан с Деметрием дружескими или иными узами. *«Олигархия, учрежденная Кассандром, была отменена, осужденные граждане бежали: в их числе был Динарх»*.¹² Нельзя исключать, что и Дикеарх значительную часть своей жизни провел на Пелопоннесе только из-за низвержения режима своего друга и товарища по Перипату. Кроме мессенца, едва из-за близости с опальным правителем города не пострадал и Менандр.

В приверженцев свергнутого режима целил и знаменитая псефисма Софокла из Суния против философских школ. На самом деле мы можем говорить, скорее всего, только об академиках и перипатетиках. Ни Эпикур, ни Зенон из Китиона еще не начали учить в Афинах. Представители других направлений либо были в Афинах одиночками, либо появлялись там от случая к случаю. Вряд ли главной мишенью демократов являлись последователи Платона, у которых, ко всему прочему, начиная еще со времен Ксенократа — если верить Пасхидису¹³ — не раз замечалась явная антипатия к македонянам. Очевидно, что основной удар предназначался родной школе Деметрия — Перипату и его схолаху Феофрасту. За поддержку низложенного правителя, за промакедонскую и, следовательно, антиафинскую позицию, за личные связи с македонянами наконец — начиная еще с Аристотеля, близкого как к Александру, так и к Антипатру. Но Аристотеля уже не было в живых, Деметрий Фалерский ускользнул от кары демократов. Оставался один Феофраст, который, вне всякого сомнения, не отказывал Деметрию в советах относительно законодательных новаций. *«Несмотря на все это, пришлось и ему вместе с другими философами удалиться в изгнание, когда Софокл, сын Амфиклида, внес закон, чтобы никто из философов под страхом смерти не возглавлял школу, кроме как по решению совета и народа. Однако на другой год они вернулись, так как Филон обвинил Софокла в противозаконии, закон этот был афинянами отменен. Софокл наказан пеней в пять талантов, а философам дозволено было воротиться, с тем чтобы и Феофраст воротился и жил, как прежде»*.¹⁴

Софоклу не помогло даже заступничество Демохара, наконец объявившегося в Афинах и развернувшего кипучую деятельность — главным образом в строительстве городских стен и до-

¹² Дионисий Галикарнасский, О Динархе, IX.

¹³ Paschalis Paschidis. Указ. соч., с. 63.

¹⁴ Диоген Лаэртский, указ. соч., V, 2, 38.

полнительных укреплений для защиты от нападений Кассандра. В Афины вернулся не только Феофраст, но и Эпикур, а через 6 лет, около 300 года – в Стоа Пойкиле начал учить Зенон из Китиона.

В истории с законом Софокла для нас много темных мест. Мы знаем о Филоне только то, что он был учеником Феофраста. Все остальные перипетии дела нам неизвестны – ну кроме того, что Филон и его сторонники, дабы инициировать отмену закона, воспользовались отплытием Деметрия Полиоркета на восток, где ему скоро предстояло сражение у кипрского Саламина с флотом Птолемея. Немного добавляет к этому и Юлий Поллукс.¹⁵ Однако подробно разбираться в данном эпизоде — уже сверх той задачи, которую мы себе поставили.

Все остальное время усилия предводителей демоса поглощала грызня между собой за первенство в Афинах. Лучшим способом добиться цели каждый из них считал попытки снискать расположение нового хозяина города. На этом постыдном поприще ими были явлены самые отвратительные образцы низкой лести и раболепного угодничества. *«Между тем как в прежнее время демагогами всегда бывали люди достойные».*¹⁶

Первые с краю подтверждения этому даёт всё та же афинская эпиграфика. Одних только чествовательных декретов, касающихся окружения Антигониды, насчитывалось больше двадцати пяти¹⁷ или даже двадцати шести.¹⁸

Главные соперники заслуживают отдельного внимания. Склочный, желчный, страдавший одышкой из-за крайней полноты Демохар из Левконои, ревнитель славы своего дяди Демосфена – о нем (Демохаре, разумеется) мы уже сказали достаточно. И Стратокл из Диомеи, этот «фюрер демократии», как именует его Хабихт, – талантливый и способный, но беспринципный и беззастенчивый демагог, вошедший в политику в одно время с Деметрием Фалерским, но оставивший по себе, если не считать знаменитой псефисмы 307/6 г. до н.э. о Ликурге, только дурную репутацию. Да и эта псефисма оказалась всего лишь попыткой, вскоре успешно позабытой, найти афинской демократии в новых обстоятельствах подходящий символ её возрождения и реванша. Она помогла только сыну Ликурга Хаброну стать тогда же распорядителем финансов и казначеем военных сумм в городе – должность, только-только восстановленная на волне переустроительного энтузиазма.

Плутарх сообщает, что Стратокл «прославился» уже во время Ламийской войны: *«Когда афинский флот потерпел поражение при Аморгосе, Стратокл, опередивши гонцов, прошептал с венком на голове через Керамик, возвестил, что одержана победа, и тут же предложил устроить благодарственные жертвоприношения и раздачу мяса по филам. Немного спустя моряки привели уцелевшие в битве суда, и афиняне в ярости потребовали Стратокла к ответу, а тот, нимало не смущенный гневным шумом толпы, выступил и сказал: «А что,*

¹⁵ Юлий Поллукс. Ономастикон 9.42.

¹⁶ Аристотель. «Афинская полития», 28, 1.

¹⁷ Ioanna Kralli. Athens and the Hellenistic Kings (338-261 B.C.): the language of the Decrees, Classical Quarterly 50.1 (2000) с.122.

¹⁸ Paschalis Paschidis. Указ. соч., с. 491.

*собственно, страшного с вами приключилось? Вы провели в радости два дня— только и всего!» Вот какова была наглость Стратокла».*¹⁹ На хорошем слуху и другой показательный штрих к портрету Стратокла из плутарховского жизнеописания Полиоркета: *«Этот Стратокл и вообще отличался необыкновенною дерзостью, жизнь вел беспутную и разнузданную и в своем беззаботном и пренебрежительном отношении к народу подражал, казалось, гнусному шутовству Клеона. Он взял к себе в дом гетеру Филакион. Как-то раз она принесла с рынка мозги и шеи. «Смотри-ка,— воскликнул Стратокл,— ты купила к обеду те самые мячи, которыми мы перебрасываемся, когда решаем государственные дела!»*²⁰

У нас нет никаких свидетельств политической активности Стратокла в период с 322 по 307 год. Это обстоятельство почти однозначно свидетельствует как минимум о принадлежности Стратокла к противоположному Деметрию Фалерскому лагерю, а в крайнем варианте — о его долговременной отлучке, добровольной либо вынужденной, из города. Последнее представляется маловероятным – в конце концов Стратокл даже не успел попасть в «проскрипционный» список Антипатра.

Проиграл — и довольно быстро, в 303 году, Демохар. Эта дата по времени почти совпадает с окончанием так называемой четырехлетней войны с Кассандром, которую вели Деметрий Полиоркет и Афины.

Он занимался приведением в порядок государственных финансов Афин. За то короткое время, прошедшее с момента удаления Деметрия Фалерского, они успели прийти в полное расстройство. Если бы не серьезные воспомоществования от Антигона²¹, афинянам тяжелее дался бы переход от «тучных» лет Деметрия Фалерского к менее изобильной действительности.

Демохару не зачлись и не уберегли от высылки по *κατάλυσις του δήμου* даже упомянутые, причем вполне свежие заслуги перед городом. Это довольно логично — утверждение Полиоркета в роли хозяина Аттики упрочивало позиций Стратокла, который явнее остальных сделал ставку на Антигонида. Демохар не мог простить Стратоклу деятельного участия в судилище над Демосфеном по обвинению в получении денег от Гарпала.²²

Элита и массы нуждались друг в друге; только представители богатой и образованной элиты могли претендовать на политическое лидерство, но им приходилось каждый раз, снова и снова, убеждать демос в том, что они преданы его интересам и готовы руководить им – в отличие от своих оппонентов. Это сродни ходьбе по натянутому канату. В одних обстоятельствах имело прямой

¹⁹ Плутарх. Деметрий, 11, здесь и далее - перевод С. П. Маркиша.

²⁰ Там же.

²¹ По Пасхидису, основывавшемуся, скорее всего, на Диодоре (XX, 46, 4), в 307 и 305 годах - в том числе зерно и корабельная древесина, а также деньги - Paschalis Paschidis. Указ. соч., с. 89. После морского сражения у Саламина, в котором, кстати говоря, на стороне Антигона и Деметрия Полиоркета принимала участие афинская эскадра, последний прислал в Афины 1200 комплектов гоплитского снаряжения, четверо превзойдя своей «щедростью» Александра после Граника, но это был, естественно, сугубо прагматический «подарок», практически никак на благосостоянии города не сказавшийся.

²² Стратокл первым из 10 обвинителей, среди которых значился и брат Деметрия Фалерского Гимерей, выступал со своей речью. Хотя ходили слухи, что за Стратокла ее написал Динарх. Но, напомним, Динархов в тот период было, скорее всего, два или даже больше. Вряд ли обвинителем Демада перед Антипатром летом 319 года был оратор, друг Деметрия Фалерского.

смысл напирать на принадлежность к элите для обоснования своей ведущей роли и подчеркивать, что она используется ими для блага народа. Но в иных случаях приходилось отождествлять себя с демосом и противопоставляться избранной элите, интересы которой шли вразрез с его интересами.

Демохар всегда отличался сварливым нравом и тут не сумел унять его. Кончилось это для него плохо: *«Когда же кто-то из лучших граждан воскликнул, что Стратокл, который предлагал это постановление (цитата из Плутарха о нем приводится ниже — С.Б.), просто безумец, Демохар из дема Левконоя заметил: «Напротив, он был бы безумцем, если бы не был безумцем». И верно, Стратокл извлек немало выгод из своей лести. За эти слова Демохар заплатился доносом и изгнанием. Так-то вот жили афиняне, казалось бы, свободные после изгнания от вражеского сторожевого отряда!»*²³ Обошлось даже без инвектив упомянутого Полибием Архедика, сына Навкрита, из Ламптр, малоизвестного (по версии историка из Мегалополя) поэта новой комедии. Его сейчас отождествляют – и, похоже, не без оснований – с анаграфеем 320/19 года в архонтство Неэхма, входившим в промакедонскую партию.²⁴

Кстати, среди поэтов афинской комедии того времени был свой персональный антагонист и у Стратокла. Это Филиппид, впоследствии известный не только близостью с Лисимахом, но и благодеяниями родному городу.

Стратокл развил кипучую деятельность и выдвинулся в явные лидеры среди афинских демагогов. Собственно, она хорошо прослеживается по декретам экклесии вплоть до сражения при Ипсе. Из афинских декретов за 307/6 г. до н.э., главным образом чествовательных – в адрес Антигона, Деметрия Полиоркета и их приближенных, — обычно предоставляющих тем или иным лицам почетные привилегии вроде проэдри в театре²⁵, ситесиса в Пританее²⁶ и статуи на Акрополе или в другом отведенном для этого почетном месте, а также афинского гражданства, проксении²⁷ и т. д., только три или четыре²⁸ предлагались точно не Стратоклом. Ему самому принадлежит авторство шести. Однако оставшиеся декреты сохранились для нас как анонимные (относительно имени вносящего их в экклесию). Часть из них вполне могла иметь Стратокла в качестве инициатора

²³ Плутарх. Деметрий 24.

²⁴ Christian Habicht. The Comic Poet Archedikos – в: *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, Vol. 62, No. 2 (Apr. - Jun., 1993), pp. 255.

²⁵ Проэдриа — право занимать в театре, на играх первое и лучшее место на первых (самых нижних) скамейках, около самой орхестры.

²⁶ Ситесис — угощение за государственный счет чиновников-эйситов и лиц, отметившихся заслугами перед городом, а также иностранных послов, герольдов и т.д.

²⁷ В рассматриваемый период практически не использовалась.

²⁸ Данные Пасхидиса - Paschalis Paschidis. *Between city and king. Prosopographical Studies on the Intermediaries Between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322-190 BC)* – в: МЕЛЕТНМАТА 59, Athens, 2008, с. 81. Мы затрудняемся объяснить разночтения в количестве декретов за этот год, наблюдающиеся у автора. Здесь он говорит о 17. В другом месте своей работы - о «по меньшей мере 15» декретах (см. у нас прим. 1 на стр. 2).

внесения.²⁹ Всего же его авторству, по подсчетам Пасхидиса, принадлежит от двадцати шести до двадцати восьми декретов.³⁰

Но дадим слово источникам.

Большинство цитируемых нами пассажей древних авторов — из Диодора, Афиня или Плутарха с его жизнеописанием Деметрия Полиоркета, - касающихся деятельности Стратокла и других политиков демократического лагеря или ориентации, достаточно хорошо известны читающей публике, и в их обильном цитировании нет большой нужды. Но нам трудно отказать себе в удовольствии привести их — для большей связности, убедительности и украшения изложения.³¹ Итак, *«афиняне, желая воздать по заслугам своему освободителю, неумеренностью почестей вызвали только ненависть к нему. Афиняне были первыми, кто провозгласил Деметрия и Антигона царями, хотя до того оба всячески отвергали это звание — оно считалось единственным из царских преимуществ, по-прежнему остающимся за потомками Филиппа и Александра и недостижимым, недоступным для прочих. Афиняне были единственными, кто нарек их богами-спасителями; отменивши старинное достоинство архонта-эпонима, они решили ежегодно избирать «жреца спасителей» и все постановления и договоры помечать его именем.³² Они постановили далее, чтобы на священном пеплосе, вместе с остальными богами, ткались изображения Антигона и Деметрия. Место, куда впервые ступил Деметрий, сойдя с колесницы, они освятили и воздвигли там жертвенник Деметрию Нисходящему, к прежним филам присоединили две новые— Деметриаду и Антигониду и число членов Совета увеличили с пятисот до шестисот, ибо каждая фила выставляла по пятидесяти советников. Самой чудовищной выдумкой Стратокла (так звался изобретатель всего этого хитроумнейшего и утонченного раболепия) было предложение, чтобы лица, отправляемые Собранием к Антигону или Деметрию, именовались не послами, но феорами— словно те, кто на общегреческих празднествах при дельфийском Пифоне или в Олимпии приносят от имени своих городов установленные древним обычаем жертвы».*³³

И далее: *«Нашелся еще льстец, низостью превзошедший самого Стратокла, и предложил, чтобы всякий раз, как Деметрий прибудет в Афины, его принимали с таким же почетом, какой воздают Деметре и Дионису, и чтобы тот, кто сумеет обставить этот прием наиболее торжественно и пышно, приносил за казенный счет памятный дар богам. В довер-*

²⁹ Для сравнения: из 10 декретов Демада о предоставлении гражданства или проксении после Ламийской войны только четыре имели своим предметом почести и привилегии македонянам. См. Ioanna Kralli. Early Hellenistic Athens: Leadership and Diplomacy. PhD THESIS, 2016, с.123. Явной сервильности все-таки не прослеживается.

³⁰ Paschalis Paschidis. Указ. соч., с. 80.

³¹ В работах последнего времени некоторые подробности событий, сообщаемые древними авторами, подвергаются сомнению. В частности тот же Пасхидис в более поздней работе *Agora XVI 107 and the Royal Title of Demetrius Poliorcetes* – в: *After Alexander. The Time of the Diadochi (323 – 281 BC)*, Oxbow Books, 2016, с. 121 – 141 уже несколько по-иному оценивает правдоподобность рассматриваемой им версии Плутарха.

³² Плутарх. Деметрий, 10. Ошибка автора. Хронология по архонтам в Афинах, если судить по сохранившимся государственным актам, осталась в действии.

³³ Там же, 10-11. Ср. с Диодор. Историческая библиотека, XX, 46, 1-2.

*шение всего афиняне назвали месяц мунихион деметрионом, канун новолуния деметриадой, а праздник Дионисии переименовали в Деметрии».*³⁴

Афинский календарь еще раз подвергся перелицовке, когда Деметрию вдруг возжелалось пройти полное посвящение в таинства Элевсинских мистерий: «Это было противно священным законам и никогда прежде не случалось, ибо Малые таинства справлялись в месяце анфестерионе, Великие— в боэдромионе, а к созерцательной ступени посвященных допускали не раньше, чем через год после Великих таинств. Но когда прочитали письмо Деметрия..., афиняне, послушавшись совета Стратокла, решили называть и считать мунихион анфестерионом и справили, нарочито для Деметрия, священнодействия в Агре. После этого мунихион из анфестериона превратился в боэдромион, Деметрий принял дальнейшее посвящение и сразу же был приобщен к числу «созерцателей».

А вот афинский декрет от добровольцев-эпилектов— по-видимому, периода фермопильского сражения с Кассандром в конце Четырехлетней войны:

«Избранные добровольцы постановляют:

ввиду того, что Деметрий Великий ранее прибыл в Аттику с морскими и сухопутными силами и изгнал врагов народоправства, и сделал свободной землю афинян и большинства других эллинов, и ныне он поддерживает афинян еще большими силами, и одержав победу над своими врагами, уже включил многие города в царство своего отца Антигона, сам испытывая всяческие опасности и труды, и оказывает почести тем, кто с ним, и весьма заботится об их безопасности, и ведет тех, кто нуждается в свободе, и успешно участвовал вместе с нами в делах на Пелопоннесе, и незамедлительно отправился туда с избранными добровольцами, и изгнал врагов из страны,

*в добрый час постановлено избранными добровольцами прославить доблесть и добрую волю Деметрия, Антигонова сына, царя и царского сына, и воздвигнуть его конную статую на Агоре за изваянием Народоправства, и поощрить афинян и иных эллинов к воздвижению жертвенников и святилищ Деметрию и к участию в жертвоприношениях, и также жертвовать Деметрию Спасителю священнейшее и прекраснейшее, и огласить почести, данные царю избранными добровольцами, как и они чествуются своими благодетелями за их счет, так чтобы и прочие могли последовать и чествовать его самыми выдающимися почестями».*³⁶

И далее — снова по Плутарху: *«Афиняне дали его рабу, как свободному человеку, афинское гражданство, но Антигон сказал: «Я не хочу наказывать бичом афинского гражданина!»*³⁷ *«Однако ж наиболее бессмысленной, наиболее глупой среди всех почестей была вот какая: в связи с намерением афинян посвятить Дельфийскому богу щиты Дромоклид из дема*

³⁴ Там же, 12.

³⁵ Там же, 26.

³⁶ SEGXXV.149 – цит. по: В.Н.Галах. Всё, что ни пожелает царь Деметрий. Историко-литературная композиция, Киев, 2013, с. 164 - 165.

³⁷ Плутарх. Изречения царей и полководцев, 28, 12.

*Сфетт предложил просить об оракуле... Деметрия! Привожу это предложение дословно. «В добрый час! Народ да соблаговолит определить: избрать одного из афинян и отправить к Спасителю, дабы, принесши надлежащие жертвы, он спросил Спасителя, как лучше, скорее и благочестивее всего может народ посвятить свой дар; что изречет Спаситель, то да исполнит народ».*³⁸ *«А те»*³⁹, хотя уже прежде излили на него все мыслимые и немыслимые почести, еще раз показали себя неисчерпаемо изобретательными льстецами, отведя Деметрию для жилья внутреннюю часть Парфенона. Там он и поместился, и все говорили, что Афина принимает в своем доме гостя,— не слишком-то скромного, клянусь богами, гостя и мало подобающего для девичьих покоев!.. А Деметрий, которому надлежало чтить Афину если не по иным каким соображениям, то хотя бы по долгу младшего брата богини— ибо так он пожелал именоваться,— день за днем осквернял Акрополь столь гнусными насилиями над горожанками и свободнорожденными мальчиками, что чище всего это место казалось, когда он распутничал с Хрисидой, Ламией, Демó, Антикирой, всесветно знаменитыми потаскухами.⁴⁰ *«Деметрий не на шутку разгневался, и афиняне, вновь перепугавшись, не только отменили закон, но и тех, кто его предложил или высказывался в его поддержку, изгнали, а иных даже казнили. В довершение ко всему было вынесено следующее решение: «Афинский народ постановляет— все, что ни повелит царь Деметрий, да будет непорочно в глазах богов и справедливо в глазах людей».*⁴¹

Еще один любопытный отрывок из плутарховского жизнеописания Деметрия Полиоркета: *«Среди многочисленных злоупотреблений и беззаконий, которые тогда творились, большее всего, как сообщают, уязвил афинян приказ безотлагательно раздобыть двести пятьдесят талантов, ибо, увидев, что деньги собраны— а взыскивались они с неумолимою строгостью,— Деметрий распорядился передать всё Ламии и другим гетерам на мыло, румяна и притирания. Больше убытка граждан тяготил позор, и молва была горше самого дела. Некоторые, правда, говорят, что эту шутку Деметрий сыграл не с афинянами, а с фессалийцами. Кроме того Ламия и сама, готовя для царя пир, многих обложила своего рода налогом, и пир этот роскошью и великолепием прославился настолько, что Линкей Самосский описал его в особом сочинении. Вот почему один из комических поэтов очень удачно и верно прозвал Ламию «Погубительницей городов».*⁴²

Тем не менее, даже так «уязвившись», при Деметрии Полиоркете афиняне участвовали в военных действиях на стороне Антигониды. Диодор упоминает про тридцать афинских quadrirem под командованием Медия в морском сражении с флотом Птолемея у кипрского Саламина в 306 г. до н.э.⁴³, где они, занимая позицию на самом важном левом крыле, своими действиями предподре-

³⁸ Плутарх. Деметрий, 13.

³⁹ Афиняне - эпизод после победного для Полиоркета сражения с Кассандром при Фермопилах в 303 г. до н.э.

⁴⁰ Плутарх. Деметрий, 23.

⁴¹ Там же, 24.

⁴² Там же, 27.

⁴³ Диодор. Историческая библиотека, XX, 50, 3.

делили победу Полиоркета. Добавим от себя — афинские корабли, скорее всего, участвовали и в последовавшем за кипрской победой неудачном походе Антигона и Деметрия Полиоркета (сын руководил морской частью этой операции) на Египет. И, наверное, осаде Родоса. Хотя прямых указаний на это в поле нашего зрения не видно. А знаменитую осадную машину гелеполу, из частей которой потом родосцы отлили своего Колосса, проектировал тоже афинянин - Эпимах! Более того, при основании Антигонии, как сообщает Иоанн Малала, Антигон использовал для ее заселения афинян.⁴⁴

А между тем Деметрию Фалерскому не только афинскими демократами того времени, но даже и некоторыми современными учеными ставилась в вину— даже невзирая на то, что это была обычная практика союзнических отношений, - однократная присылка афинской флотилии⁴⁵ на подмогу Кассандру, когда тому понадобилось подкрепление.

Трусливое смирение афинян приводило в изумление даже самого Деметрия Полиоркета и заодно того же Демохара: *«Прославился раболепием и афинский демос. Вот что рассказывает племянник оратора Демосфена Демохар в двадцатой книге своей «Истории» об угодничестве афинян перед Деметрием Полиоркетом, совершенно добровольном и даже без малейшего намека с его стороны. Пишет он так [FHG.II.449]: «Некоторые из этих вещей докучали самому Деметрию, однако и всё прочее было до крайности постыдно и унижительно: святилища Афродиты Ламии и Лезны, алтари, возлияния, почитание как героев его льстецов Буриха, Адиманта и Окситемида. Даже пеаны пелись в честь каждого из них, так что сам Деметрий изумлялся происходящему и говорил, что при нем не осталось ни одного афинянина, великого и сильного духом».*⁴⁶

Тем не менее обманулся и он. В трудных обстоятельствах опрометчиво полагаться на тех, кто встречал тебя неумеренными славословиями и даже чуть ли не пресмыкался, когда ты был в силе. Убедиться в этом Полиоркету пришлось довольно скоро. После поражения в битве с другими объединившимися диадохами при фригийском Ипсе в 301 г. до н.э. Деметрий потерял отца и был вынужден в спешке покинуть поле боя — с тем, чтобы зализать раны, накопить силы и продолжить борьбу за первую роль в эллинском мире. Но... *«Деметрий с пятью тысячами пехоты и четырьмя тысячами конницы почти без остановок бежал до Эфеса... без промедлений двинулся дальше и поплыл в Грецию, последние свои упования возлагая на афинян. У них оставались и суда Деметрия, и его деньги, и супруга Деидамия, и он полагал, что в эту годину бедствий нет для него надежнее прибежища, чем расположение и любовь афинян. Вот почему, когда подле Кикладских островов его встретили афинские послы и просили не приближаться к их городу, ибо народ постановил никого из царей не принимать и не впускать, Деидамию же со всеми подобающими почестями проводил в Мегары,— Деметрий был вне себя*

⁴⁴ «После уничтожения Антигонии, Селевк разрешил афинянам, которыми заселили Антигонию, переселиться в город, который он построил – Антиохию Великую» - Иоанн Малала. Хронография, VIII, 15, перевод Н.Н.Болгова.

⁴⁵ На самом деле всего 20 кораблей — ровно столько же, сколько афиняне отправили Александру в начале его азиатского похода.

⁴⁶ Афиней. Пир мудрецов, VI, 252f - 253a = Democh. FGH 75 F 1.

*от гнева, хотя до сих пор переносил свое несчастье с полным спокойствием и, невзирая на столь резкую перемену обстоятельств, ни в чем не уронил себя и не унизил. Но обмануться в афинянах вопреки всем ожиданиям, узнать, что их любовь, на самом деле,— пустое при- творство, было для Деметрия нестерпимой мукой. Да, сколько я могу судить, непомерные почести— самое ненадежное свидетельство расположения толпы к царям и властителям, ибо почести ценны лишь тогда, когда их оказывают по доброй воле, а почестям, воздаваемым из страха, доверять нельзя: ведь одни и те же постановления выносит и боязнь, и нелюбезное доброжелательство. А поэтому люди разумные смотрят не на статуи, картины и раболепное поклонение, приравнивающее их к богам, а на собственные дела и поступки, и уже в зависимости от них различают почести искренние и вынужденные, и первым верят, а вто- рых вовсе не принимают в расчет: они знают, как часто народ ненавидит именно тех, кому воздает почести и кто с ненасытимой алчностью и спесью принимает их от недоброхот- ных дателей».*⁴⁷

Сколь бы низкой и отвратительной ни были лесть и угодничество Стратокла и его привер- женцев либо подражателей вроде Калаида, сына Липета из Ксипета, или Филострата, сына Фило- страта, из Кефисии, также отметившихся на поприще раздачи почестей македонянам Антигона и Деметрия Полиоркета⁴⁸, цели своей они достигли, хоть и только отчасти. Можно привести в при- мер те самые «воспомоществования» афинянам Антигона и самого Полиоркета (150 тысяч медим- нов зерна, корабельный лес на сотню триер и т.п.) в самом начале романа города с ними, а позже возвращение Афинам Филы и Панакта (и, не исключено, Оропа с почитаемым святилищем Амфи- арая) гораздо лучше укрепленными. А также на некоторое время — с 305 года до сражения при Ипсе – Лемноса, Имброса и, возможно, Скироса, на котором тоже хватало афинских поселенцев. Безусловно, подобным образом Стратокл добивался положения главного посредника между Де- метрием Полиоркетом и афинянами.

Невозможно отрицать, что персональные связи с македонянами приносили определенную пользу городу. Но и издержки были велики. Афинянам пришлось поступиться слишком многим. Хотя формально «спаситель города» относительно надолго появился в нём лишь в 304 году до н.э. и провел только одну зиму, все остальное время заполняя Пелопоннесом, Саламином, египетским походом, осадой Родоса и тому подобными делами. «Освобождение» Афин Полиоркетом в значи- тельной мере являлось фикцией. Фикцией в какой-то степени естественной – без него город не сдюжил бы противостояния с Кассандром и его братом Плистархом в Четырехлетней войне, даже при помощи этолийцев. Тогда формально на смену гарнизону Дионисия от Кассандра другой от Полиоркета не пришел. Это случилось позже. И для таких целей был выбран холм Муз, отстоя- щий от Акрополя многократно ближе Мунихия, и Пирей. Стратегом хоры Полиоркет в 306/5 году до н.э., пренебрегши законами города и какими бы то ни было политесами, назначил сразу на два года своего приближенного – упомянутого выше Афинеем Адиманта из Лампсака, коего прочув-

⁴⁷ Плутарх. Деметрий 30.

⁴⁸ Соответственно SEG 36 (1986) 165 и IG II 2 498 (Syll3 342) - Paschalis Paschidis. Указ. соч., с. 109 - 112.

ствованно костерил в своей книге Демохар.⁴⁹ Это всегда была одна из важнейших выборных (причем сменяемых либо переизбираемых по истечении года) должностей в военном магистрате Афин. А грубая перелицовка календаря ради экстерната в элевсинской инициации? А 250 афинских талантов *«Ламии и другим гетерам на мыло, румяна и притирания»*? Бесстыдные оргии и распутство в священном Парфеноне на Акрополе? Преследование красивых мальчиков, один из которых спасся от домогательств Деметрия лишь ценой своей смерти? И всё это после женитьбы на вдове Офеллы Эвридике – афинянке из древнего рода Мильтиада?⁵⁰

Нельзя сказать, что «уязвленность» афинян не нашла своего выхода — и на это обращает внимание Пасхидис, анализируя политическую жизнь Афин в это период. Особенно в первой половине 303 года до н.э. Она проявилась во вполне конкретных антимакедонских мерах - вроде пропуска с назначением секретаря в буле из филы Деметрия (уже объявленного Спасителем с как минимум полубожественной природой). В возвращении докимасии в случаях натурализации, некоторых ограничениях в предоставлении почетных привилегий приближенным Антигона и Деметрия Полиоркета, случае с Клеэнетом, сыном Клеомедонта⁵¹ - и прочих подобных эпизодах. Примерно тогда, кстати, между Демохаром и Стратоклом пробежала кошка, отправив первого в длительное изгнание. Афинские постановления последнего года перед ипсским сражением, как обычно чувствительные, теперь ставили почетные привилегии бенефициарам в зависимость от отношения и конкретных благодеяний (в том числе эпидосиса и восстановленных триерархий, хорегий и иных литургий), оказанных городу, а не от принадлежности к окружению Антигона либо Деметрия Полиоркета. Всё это происходило уже не без влияния сплотивавшейся партии «умеренных» - Федра из Сфетта, Мидия, Филиппида из Кефалы и других, которых не могли не отвращать эксцессы раблепной демократии Стратокла и помыкание ею Деметрия Полиоркета. Мидий даже провёл через экклесию декрет в честь Фокиона, которого не только перезахоронили в Аттике, но и удостоили статуи за государственный счёт!

Вывод напрашивается - потратив время, усилия и деньги, на самом деле преданности и любви афинян Полиоркет так и не добился. Далее по хронологии случились война Деметрия со своими бывшими «пламенными обожателями», осада им города, ужасающий голод и мор в последнем, бегство установившего кратковременную тиранию Лахара. *«Тут афиняне, хотя сами же ранее постановили казнить любого, кто хоть словом упомянет о мире с Деметрием, немедля отворили ближайшиим к противнику ворота и отправили послов, не ожидая, правда, для себя ничего хорошего, но не в силах дольше терпеть нужду»*.⁵²

Приведенные цитаты сами по себе не нуждаются в пространных комментариях. Перипетии событий по-своему любопытны и красноречивы, однако уже выходят за рамки поставленной нами

⁴⁹ Shane Wallace. *Adeimantus of Lampsacus and the Development of the Early Hellenistic Philos* – в: *After Alexander. The Time of the Diadochi (323 – 281 BC)*, Oxbow Books, 2016, с. 144. Адимант позже был назначен Деметрием проэдром возобновленного им Коринфского союза.

⁵⁰ Плутарх. Деметрий, 14, 1. Диодор называл её Эвтидикой - Диодор. Историческая библиотека, XX, 40, 5.

⁵¹ Афиняне «приняли закон, чтобы никто из граждан писем от Деметрия не приносил» - Плутарх. Деметрий 24.

⁵² Плутарх. Деметрий, 34.

задачи. Даже после беглого знакомства с ними становится очевидным одно. Афинская демократия рубежа IV – начала III веков до нашей эры представляла собой крайнее извращение и даже вырождение этой формы общественного устройства, которая при рождении и дальнейшем развитии обладала несомненными достоинствами. А в некоторых отношениях (особенно в пору своего расцвета в период Пятидесятилетия) дала человечеству такие непреходящие морально-этические ценности и завидные ориентиры как свободу, равноправие, главенство закона — хотя бы в виде солоновского благозакония-эвномии. Но с началом эллинистического времени она постепенно утратила их. Афины Стратокла и Демохара стали прискорбно верной и наглядной иллюстрацией такого положения вещей, когда *«государственный строй стал все более терять свой строгий порядок по вине людей, задававшихся демагогическими целями»*.⁵³

Хотя почему мы говорим о вырождении и разложении афинской демократии, в её превращении в карикатуру на себя? В том, что она в рассматриваемый нами период представляла собой не эксцесс, не случайную непоказательную девиацию, а одну из своих «регулярных» форм, убеждает нас тот же Аристотель. Он едва пережил третью четверть IV века, но вот этот его пассаж из «Политики» вполне годится считаться словесным слепком с состояния афинского государственного управления на пороге третьего столетия до нашей эры: *«В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единодержавным, как единица, составленная из многих: верховная власть принадлежит многим, не каждому в отдельности, но всем вместе... В этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения. Да и демагоги и льстецы в сущности одно и то же или во всяком случае схожи друг с другом; и те и другие имеют огромную силу — льстецы у тираннов, демагоги у описанной нами демократии. Они повинны в том, что решающее значение предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение все. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании. Сверх того, они, возводя обвинения на должностных лиц, говорят, что этих последних должен судить народ, а он охотно принимает обвинения, так что значение всех должностных лиц сводится на нет»*.⁵⁴

Еще Сократ и Платон рассматривали демократию как тиранию бедных. Поэт из Мегар призывал *«твердой ногой наступить на грудь суемыслящей черни, бить ее медным бодцом,*

⁵³ Аристотель. «Афинская политика» 26, 1.

⁵⁴ Аристотель. Политика IV, IV, 4-6.

шею пригнуть под ярмо.⁵⁵ Поправка на время — тираном на самом деле оказался пришлый македонец (хотя не забудем и про Лахара) — сути дела не меняет. Платоновское вырождение демократии в тиранию произошло, хоть и в деформированном виде. Афиняне, сменив одного надсмотрщика над собой, с редкостным воодушевлением и распростертыми объятьями приняли другого, тоже Деметрия, но уже македонского. И самым неприглядным и бесстыдным образом пресмыкались перед ним не день, не два, не из тактических соображений, а по велению низкой, испорченной беспредельной анархической демократией души. Деметрий Фалерский лишь замкнул собой начатый в этом столетии Сократом ряд их выдающихся сограждан, которых исторгла из себя стихия вседозволенности, тяга черни и ее водителей подрезать колоски — синдром Фрасибула - Периандра, о котором писали Геродот⁵⁶ и опять же Аристотель⁵⁷, только перепутав местами вопрошающего и советующего.

Ирония судьбы состоит еще и в том, что точно так же афинская демократия, «державный демос», чью невоздержанность так истово возвращал Стратокл, в итоге исторгла и его самого. Это случилось сразу после ипсского поражения его покровителя и гибели в нем Антигона Одноглазого. Снова в афинской политике демагог из Диомеи появился только в 292 году до н.э. - если судить по сохранившемуся декрету, помеченному этой датой, - с почестями в адрес Филиппида, сына Филомела из Пэании, богатого, но уже дряхлого старца. Тот всю свою жизнь — парадоксально для описываемого момента - стоял на олигархических, промакедонских позициях и в свое время даже подвергался обвинениям от Гиперида. Возвращение Стратокла стало лишь ничего не значащим эпизодом.

⁵⁵ Феогнид, 847-850 - перевод Адриана Пиотровского.

⁵⁶ Геродот. История, V, 92 - *«тот ему советует умертвить выдающихся граждан»*.

⁵⁷ Аристотель. Политика, V, VIII, 7 - «борьба со знатными, стремление и тайно и явно губить их, отправлять их в изгнание, как противников, стоящих на пути к их власти».